

Научная статья
УДК 811.161.1
DOI: 10.20323/2499-9679-2025-2-41-105
EDN: KFOLUC

Прагматический потенциал иронии как инструмента воздействия в современной коммуникации

Надежда Анатольевна Чернявская

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и массовой коммуникации, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королёва. 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34
chia20081@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2259-9945>

Аннотация. Статья посвящена изучению формирования и функционирования механизмов реализации иронической интенции в аспекте осуществления речевого воздействия на коммуникативного партнера. Ирония рассматривается как инструмент скрытого внедрения нового знания и эффективного воздействия на массовое или индивидуальное сознание. Прагматический потенциал иронии определяется многообразием реализуемых ею функций. В медиадискурсе ирония выполняет преимущественно оценочно-интерпретативную и обличительную функции: она используется с целью дискредитации политических противников, десакрализации власти, разоблачения социальных пороков. При этом воздействующий потенциал иронии усиливают намеренное дистанцирование от объекта речи и сближение с аудиторией. Прагматическая амбивалентность иронии проявляется в том, что она способна реализовать противоположные функции – смягчения, эвфемизации характеристик изображаемого объекта и, напротив, повышения их экспрессивности, конфликтности, доведения до абсурда. В межличностной коммуникации ирония может быть направлена как на оптимизацию, так и на дестабилизацию взаимоотношений коммуникативных партнеров. Ирония выступает инструментом коррекции точки зрения или поведения партнера, успешным способом противостояния речевой агрессии, а также действенным средством сплочения реальных и виртуальных сообществ. Исследование обнаружило, что чаще всего ироническую интенцию реализуют приемы антифразиса, стилистического контраста, гиперболизации, квазицитации, а также речевые и логические аномалии. Вместе с тем успешность формирования и распознавания иронического подтекста определяется наличием общих для автора и адресата фоновых знаний и высоким уровнем их коммуникативной компетентности. Ирония как прием репрезентации скрытого смысла является более действенным инструментом влияния на аудиторию, нежели прямая оценка, поскольку предполагает активную интерпретативную деятельность адресата и, как следствие, восприятие передаваемой информации как собственного, самостоятельно приобретенного знания. Соответственно, иронию можно рассматривать как разновидность суггестивного воздействия, позволяющего скорректировать систему установок адресата и модели его поведения.

Ключевые слова: ирония; ироническая интенция; воздействие; прагматический потенциал; функция; медиадискурс; межличностная коммуникация

Для цитирования: Чернявская Н. А. Прагматический потенциал иронии как инструмента воздействия в современной коммуникации // Верхневолжский филологический вестник. 2025. № 2 (41). С. 105–113. <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-105>. <https://elibrary.ru/KFOLUC>

Original article

Pragmatic potential of irony as an impact tool in modern communication

Nadezhda A. Chernyavskaya

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of the russian language and mass communication, Samara national research university named after academician S. P. Korolev. 443086, Samara, Moskovskoe shosse, 34
chia20081@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2259-9945>

Abstract. The article focuses on the formation and functioning of mechanisms for realizing ironic intension in terms of speech impact on the communication partner. Irony is seen as a tool to covertly introduce new knowledge and

© Чернявская Н. А., 2025

effectively influence mass or individual consciousness. The pragmatic potential of irony is determined by the variety of functions it realizes. In media discourse, irony primarily performs evaluative-interpretative and denunciatory functions: it is used to discredit political opponents, to desacralize power, and to expose social vices. At the same time, the impact potential of irony is enhanced by deliberate distancing from the object of speech and closeness to the audience. The pragmatic ambivalence of irony is manifested in the fact that it can realize opposite functions – softening, euphemizing the characteristics of the depicted object and, on the contrary, increasing their expressiveness, conflictogenity, bringing them to the point of absurdity. In interpersonal communication, irony can aim to both optimize and destabilize the relationships between communication partners. Irony acts as a tool for correcting the partner's point of view or behavior, a successful way of resisting speech aggression, as well as an effective means of uniting real and virtual communities. The study has found that most often ironic intensions are realized by the devices of antiphrasis, stylistic contrast, hyperbolization, quasi-citation, as well as speech and logical anomalies. At the same time, the success of generating and recognizing ironic subtext is determined by the background knowledge common to the author and the addressee and by a high level of their communicative competence. Irony as a method of presenting a hidden meaning is a more effective tool to influence the audience than direct judgment, because it implies active interpretive activity of the addressee and, as a consequence, perception of the transmitted information as personal, independently acquired knowledge. Consequently, irony can be considered as a kind of suggestive influence, which can adjust the addressee's system of attitudes and behavior patterns.

Key words: irony; ironic intention; impact; pragmatic potential; function; media discourse; interpersonal communication

For citation: Chernyavskaya N. A. Pragmatic potential of irony as an impact tool in modern communication. *Verhnevolski philological bulletin*. 2025;(2):105–113. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.20323/2499-9679-2025-2-41-105>. <https://elibrary.ru/KFOLUC>

Введение

Наиболее эффективной технологией речевого воздействия в современном коммуникативном пространстве является механизм скрытого внедрения нового знания. Скрытый смысл – это неявный, невербализованный смысл, который постигается адресатом сообщения не сразу, а в результате мыслительных усилий. Действенным приемом имплицитного воздействия на аудиторию является ирония, под которой понимают смысловое расхождение между тем, что говорит автор, и тем, что он на самом деле имеет в виду; логический парадокс, сопровождаемый эмоциональной оценкой.

Ирония – явление многоплановое и полифункциональное. Она может быть реализована как на уровне отдельной лексической единицы, которая в контексте приобретает значение, противоположное словарному, так и на уровне скрытого смысла развернутого высказывания.

Статус иронии в парадигме современного научного знания до сих пор не определен: ее рассматривают как стилистический прием [Абросимова, Баскакова, 2021; Дудникова, Шевченко, 2020; Кузнецова, 2021], речевой жанр или речевой акт [Дементьев, 2010; Чумак, 2021], текстовую категорию [Яковенко, 2011], концепт [Рябко, 2023], дискурсивную практику [Шилихина, 2014; Юськаева, Дубровская, 2022; Горностаева, 2024], средство манипуляции [Ермакова, 2005; Бинштейн, 2020; Фирсова 2023] и инструмент

реагирования на манипулятивные тактики [Шкицкая, 2019], метаязыковую игру [Фомичева, 2011], составляющую мировоззренческой позиции автора [Печенихина, 2008]. Вместе с тем уже не вызывает сомнений, что ирония не является лишь изобразительным средством языка. А. А. Горностаева определяет иронию как стиль речевого взаимодействия между автором и адресатом, основанный на логическом несоответствии высказанного и невысказанного и нарушающий тем самым ожидания адресата [Горностаева, 2024, с. 353]. Ироническая интенция способна пронизывать самые разные жанры и тропы – так, О. П. Ермакова пишет об иронической метафоре, метонимии, сравнении, литоте, гиперболе [Ермакова, 2014, с. 75]. По утверждению А. А. Кудрявцева, к формированию иронического эффекта причастны, главным образом, гипербола, метафора и антитеза [Кудрявцев, 2024, с. 1604].

Взросший в последние годы интерес к иронии и ее высокая продуктивность во многом обусловлены объективной невозможностью для субъекта речи прибегать к прямым оценкам и характеристикам своих оппонентов, в том числе к стилистически сниженной и инвективной лексике, в связи с юридической ответственностью за оскорбление или распространение порочащей информации: ирония позволяет адресанту реализовать речевую стратегию «игры на понижение», балансируя на грани речевых правонару-

шений и в то же время оставаясь в рамках юридической нормы [Венгранович, 2023, с. 63].

Исследователи подчеркивают двойственный характер прагматического потенциала иронии, которая может выступать как маркером скрытой агрессии, так и способом смягчения критики. «С одной стороны, ирония – это ловушка, „речевая хитрость”, с помощью которой можно ввести в заблуждение доверчивого собеседника, с другой – способ педагогического воздействия, ведущий к обнаружению истины» [Шилихина, 2014, с. 67]. Как правило, ирония передает негативное отношение к адресату или объекту речи. Однако этот прием может выполнять и прямо противоположную функцию – способствовать созданию доброжелательной и комфортной атмосферы интеллектуального юмора. Соответственно, тональность иронического высказывания варьируется от мягкой, добродушной шутки и лукавства до обличающей сатиры, язвительности и обесценивания.

Многообразие функций, которые способна реализовать ирония, К. М. Шилихина сводит к двум основным функциям: установление асимметричных отношений между участниками коммуникации и развлечение адресата: «ирония – это всегда попытка доминирования, стремление повысить собственный коммуникативный статус» [Шилихина, 2014, с. 174]. А. А. Горностаева выделяет оценочную, эмоциональную, информативную и воздействующую функции иронии [Горностаева, 2024 с. 353]. Представляется, что спектр функциональных возможностей иронических высказываний более широк.

Цель настоящей работы – изучение формирования и функционирования механизмов реализации иронической интенции в аспекте осуществления речевого воздействия на коммуникативного партнера.

Материал и методы исследования

Источником фактического материала послужили публикации центральных и региональных печатных изданий («Известия», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты» и др.), сетевых ресурсов (vk.com; dzen.ru; pikabu.ru и др.), произведения современной художественной литературы, а также спонтанная разговорная речь носителей языка (РР), зафиксированная автором. Материал собирался методом сплошной выборки. Общее количество исследуемого материала составило более двух тысяч иронических контекстов.

В работе использованы методы дискурсивного, дескриптивного, лингвопрагматического и лингвостилистического анализа.

Результаты исследования

Ирония свидетельствует об отклонении реальных характеристик изображаемого объекта от системы социальных предписаний и норм, представлений о том, каким человек или общество должны быть. Иронической оценке подвергаются ложная, не соответствующая действительности информация, социальное неблагополучие, несостоятельность человеческой личности, ее неблагоприятные поступки, мнимая деятельность, чрезмерный пафос, рекламные уловки и др. Это нестандартный, эффектный способ выражения собственной позиции, способный повлиять на адресата и изменить его поведение или точку зрения на проблемную ситуацию.

Самая простая разновидность иронии – антифразис – возникает в результате переосмысления лексического значения слова. Лексемы, изначально обладающие положительной коннотацией, приобретают в контексте противоположное значение. Часто ироническому переосмыслению подвергаются позитивнооценочные имена существительные, среди которых преобладают номинации лиц: *лидер, герой, друг, благодетель, волшебник, мастер, профессионал, специалист, звезда, эксперт*: *Да уж, это настоящий «профессионал»* (РР); *Еще один патриот приполз из Америки* (ok.ru); *Ну вам видней, вы же гений*. *Жаль, не признанный* (dzen.ru) и абстрактных явлений: *радость, праздник, порядок, стабильность, долг, подвиг*: *Толпа готова на «подвиги» и суды Линча* (Ф. Радецкий); качественные прилагательные: *добрый, милый, славный, честный, скромный, мудрый, надежный, свежий, чистый*: *И еще одна «милая» деталь: общественного транспорта там нет* (fototerra.ru); *Скромные цены в ювелирном магазине* (dzen.ru); *Скрытые шипы «мудрой политики»* (С. Кожемякин); *Есть режиссеры, на «классических» постановках которых детям уж точно делать нечего, если, конечно, в вашу задачу не входит эпатировать их с целью пробуждения интереса к театру* (Домашний очаг). Реже встречаются иронически переосмысленные глагольные лексемы – *удружить, подготовиться, согласиться, подарить*: *Ничего себе «подготовился»* (РР); *Еще в магазинах любят «дарить» подарки: два пакета сока по цене трех, небольшая скидка на следующую покупку* (Крестьянка). В подобных случаях есть

основания говорить о таком явлении, как энантиосемия, то есть внутрисловная антонимия.

В более сложных случаях ироническая интенция реализуется посредством развернутого предложения или даже целого текста. Иронию порождает ложная или аномальная семантика высказывания, которая вступает в противоречие с реальностью: *В попытке отвлечь внимание общественности от нарастающих проблем во внутренней и внешней политике западные СМИ разродились очередной сенсацией космических масштабов. Британский таблоид Daily Mail сообщает: США якобы обнаружили с десятков НЛО внеземного происхождения <...> Никакие шапки-невидимки не помогут инопланетным существам уйти от пристального взора американских спецслужб (ТВЦ); Большинство гостей московской выставки в Манеже были девушками праздными, не знающими, как трагично не иметь красивого платья, когда ты так его заслуживаешь (Известия); Катя Лель вела под руку отвоеванный у судьбы трофей – сухощавого долговязого мужа в полосатых штанах. Трофей звался Игорем Кузнецовым, и было ему на вид лет тридцать. Общественность попыталась оценить его совокупный бизнес-вес, но полосатые штаны возможности для толкований не давали (Известия); Вокруг галактически-прекрасного стадиона-космодрома колосилась лебеда (З. Кобозева) – как правило, дискурсивную иронию в подобных контекстах высвечивают логические аномалии и стилистический контраст. Как отмечает А. А. Горностаева, «иронический смысл не всегда противоположен буквальному, но всегда отличен от него» [Горностаева, 2024, с. 353].*

Если лексическая ирония реализует, главным образом, оценочно-интерпретативную функцию – эксплицирует оценочную характеристику реалий окружающей действительности, то функционал дискурсивной иронии практически неограничен.

В медийном дискурсе ирония выступает эффективным инструментом критики, обличения и разоблачения негативных явлений – неприглядной социальной действительности, экономических и политических проблем, неоднозначных тенденций современной массовой культуры и искусства: *Что-то с памятью его стало, говорите? А про натравливание Украины на Россию он не забыл. Пока полицейские пытаются избавить экс-премьера от внезапно напавшей на него амнезии, он резво пишет статью для британ-*

ского таблоида. И требует незамедлительно принять Украину в НАТО (Царьград) – о Б. Джонсоне; Посол Великобритании в Мексике решил блеснуть дипломатией и направил дуло автомата в лицо сотрудника посольства (vk.com); Даёшь большие высоток точечной застройки! Меньше зелёных зон! (e1.ru); Потрясающая по своей глубине забота о горожанах (63.ru) – о входе в автобус только через переднюю дверь; Раньше наша страна была литературоцентричной. Теперь литература – занятие совершенно маргинальное. А вы все – маргиналы (vk.com) – обращение преподавателя к студентам Литературного института; По фабрике сновало бесконечное количество филфаковских студентов, которые выполняли здесь самые непредсказуемые работы <...> В общем, университет и правда готовит теперь и писателей, и дипломатов, и манекениц, и швейцаров (Н. Щербак); Перед открытием выставки в арт-центре «Гараж» гости Романа Абрамовича были приглашены на ужин в ресторан «Баккара», ибо преждевременная встреча с современным прекрасным вполне могла отбить аппетит (Известия); Понятия о стиле у местных помещиков так и остались деревенскими. Несколько любителей прекрасного выступили в категории «фея цветов». Цветастость сарафанов они решили усилить цветочными же босоножками из клеенки. Низ и верх являл нечеловеческую гармонию и единение с природой (Известия).

При характеристике конкретных лиц ирония направлена на понижение образа – разоблачение и высмеивание бездеятельности, непрофессионализма, мнимых заслуг, неэтичности поведения: *– И что она там наговорила в Государственном совете за все это время?! – Как наладить транспортное сообщение в мегаполисах (63.ru) – о бездействии представительницы власти; Ей скоро орден за трудовые заслуги вручат. Она же многостаночница! Посты пишет, рилсы, или как их там, снимает, по глобусу мотается, еще и благотворительностью занимается. Интересно, за деньги или по доброте душевной? Ей, может, скоро Колонный зал предоставят! (dzen.ru) – о женщине-блогере, которая именует себя писателем и ездит по городам России с выступлениями; Подали узлом завязанную стерлядь. В углублении узла гнездились мелкие грибки. Спутник госпожи Буратаевой, орудуя вилкой, как пикой, правой рукой накалывал эти*

грибы и порывисто закидывал их в полость рта, как баскетбольный мяч в корзину (Известия).

Если объектом иронического осмеяния становится представитель властных структур, то, помимо подрыва его репутации, ирония реализует функцию десакрализации власти и приобретает характер издевки: Самоотверженно закрывая своей широкой грудью амбразуры кризиса, доблестные «народные избранники» доказывают торжество отечественной экономики. Первыми в бой с кризисом идут чиновники и депутаты. И благополучно побеждают в нем, далеко оторвавшись в этом марш-броске от остального народа (И. Дмитриев). Ироническая интенция в таких контекстах, как правило, сопровождается приемами метафоризации и доведения до абсурда: А высокие умы вроде Даванкова заняты по-настоящему важным делом – придумывают рецепт шаурмы. В какой-то момент роль этого продукта оказалась настолько велика для Даванкова, что впору было открывать Министерство шаурмы и НИИ шаурмоведения, ведь именно от этого продукта зависят жизни людей (Царьград); А не выступать ли уже депутатам под фонограмму? Пришлют какую – и только рот открывай! Всякий эстрадный исполнитель подтвердит, что это намного легче и выгоднее. Надо лишь, разгорячившись, не отходить от микрофона, как случается с некоторыми артистами. И делать по возможности умный вид, что тоже, конечно, непросто и не всякому дано (АиФ); Какой он шустрый и дотошный: и на международной арене поет, и по Самарской области шерстит, может, его к нам губернатором назначить – хороший же мужик? (63.ru) – об известном политике. Сближение с адресатом и дистанцирование от объекта речи – две взаимосвязанные функции обличительной иронии, необходимые для влияния на аудиторию и навязывания ей позиции автора высказывания.

Ироническому переосмыслению нередко подвергаются сюжетно-композиционные и языковые особенности жанров массового искусства (современных мелодрам, сериалов, любовных романов) – сценарные и речевые штампы: Вспомнив что-то грустное, героиня вдруг роняет слезу или открывает шепотом семейную тайну, умоляя «никому больше не рассказывать» (Крестьянка); Ее прическе больше всего подходил банальнейший штамп, который часто встречался в прозе у писателей-

графоманов, – «волосы водопадом стекали на ее стройные плечи» (Крестьянка); «Самолет переполнен» – это как вообще? Некоторые в проходе стояли? Или на поручнях висели? (dzen.ru); неправдоподобие и алогизмы: Герои плавно кружат под водой, довольные обществом друг друга, и постепенно опускаются все глубже. Любой фридайвер позавидовал бы их способности столько не дышать. Судя по всему, под водой они проплывают около километра (dzen.ru); Фёдора Конюхова – единственного человека, способного взойти к вершине Эвереста на одноместной вёсельной лодке, изображает обильно задрапированный волосами Фёдор Бондарчук (dzen.ru); Пока они спорят о том, надо или не надо лететь домой, они садятся в вертолет и летят прямо к самому кратеру. Конечно, там спорить гораздо удобнее (dzen.ru); Голос по рации говорит джипу, что видит на радаре мощный тепловой сигнал, который быстро приближается. Интересно, что же это за мощный тепловой сигнал на острове с извергающимся вулканом? Может, это уличный торговец, который везет на велике казанчик с горячим пловом, а они все как раз не прочь как следует подкрепиться? Видимо, герой тоже думает про торговца, поэтому он командует остановиться (dzen.ru).

Прагматическая амбивалентность иронии проявляется и в том, что она способна реализовать противоположные функции – смягчения, эвфемизации характеристик изображаемого объекта: Во дворе царствовал грузовой гараж, где водители обменивались любезностями (Н. Щербак) – и, напротив, повышения их экспрессивности, конфликтности, доведения до абсурда. Если содержание высказывания чрезмерно преувеличивает контраст с реальностью и откровенно противоречит здравому смыслу, то такая ирония трансформируется в гротеск, синтезируя реальное и ирреальное, комическое и трагическое, прекрасное и безобразное, высокое и сниженное. Такие образы карикатурны и нелепы, не столько смешат, сколько драматизируют и пугают: Экоактивисты – они такие, это с чужими они церемонятся и ходят вокруг с плакатами. А своих – сразу на компост (dzen.ru); Периодически показывают детство Фёдора [Конюхова]. Сначала показывают, как на дом и семью десятилетнего Фёдора с моря налетел смерч. <...> Видимо, смерч на всю

жизнь придал Фёдору такое мощное центробежное ускорение, что того стало неумолимо тащить куда угодно подальше от дома (dzen.ru); Уж не знаю как вы, а я бы не хотел думать ещё и о том, что надо мной в любой момент может пролетать Фёдор Конюхов и у него что-то может пойти не так. И он немедленно начнет бросаться предметами с высоты девяти километров (dzen.ru).

Многообразные функции иронии приобретает в межличностной коммуникации. Ирония выступает здесь инструментом коррекции точки зрения или поведения партнера, успешным способом противостояния речевой агрессии, а также действенным средством сплочения реальных и виртуальных сообществ.

Ирония – обязательное сопровождение приема мнимого согласия с оппонентом: – *Всю жизнь, сколько я себя помню, он сочиняет эту самую ораторию. – Ну и как? Надеюсь, дело идет к концу? – Еще как идет. Он написал целую страницу (А. Вампилов); – У деревьев существует так называемая «застенчивость кроны». Их ветки не соприкасаются с другими деревьями. – Да-да, все деревья очень застенчивые, особенно в лесу – там застенчивость прямо-таки прёт из всех деревьев... (vk.com); – Даше нравится быть одной. – Видимо, поэтому она через неделю выходит замуж? (Н. Щербак); – А давай никогда не ссориться? – Никогда-никогда? Давай. Фэнтези – мой любимый жанр (т/с «Не родись красивой»).*

К иронии прибегают с целью порицания и коррекции поведения собеседника: – *Левин, а давай возьмём мяч и пойдём во двор – в футбол поиграем. Тебе же всё равно делать нечего. У тебя всего лишь пациент после наркоза очнулся (т/с «Интерны»); В речи преподавателей: – Несданный или списанный реферат угрожает науке, которую представляю я в своём лице. Поэтому науку я буду защищать (vk.com); – У меня огромная просьба, не пишите слово «масон» с двумя С. Мне, как почти масону, обидно читать такую неграмотность (vk.com); – Если вы мне ещё раз скажете, что Макаревич знал, что такое ассонанс, – застрелюсь! (vk.com).*

Иронически собеседник отвечает на глупый вопрос либо на вопрос, ответ на который очевиден: – *Это ты принес торт? – Нет, он сам появился (РР); – Кто там? – Папа Римский! (х/ф «Афоня»); Я взял полотенце, достал зубную щетку и мыло. Вытащил бритву. – Ты куда? –*

Барана резать (С. Довлатов); – А когда мы начнем разговаривать [на латыни]? – Ну тогда, когда латинский перестанет быть мертвым языком (vk.com).

Ирония – изящный способ выхода из конфликтного диалога: *Предлагаю закончить дискуссию. Боюсь быть убитым вашей неотразимой аргументацией (dzen.ru); За сим ухожу из беседы душевных друзей автора великих бестселлеров. Поникла и прониклась (dzen.ru); Я не владею таким количеством умных слов, посему ответить ничем не могу (dzen.ru); Мне такого совершенства не достичь, остаётся только завидовать (dzen.ru) – на подобные иронические реплики трудно реагировать, поскольку на вербальном уровне выражается восхищение собеседником, а негативная оценка не вербализована, вынесена в подтекст. При этом имплицитный смысловой план высказывания позволяет говорящему сохранить и транслировать аудитории независимость собственной позиции и превосходство над оппонентом.*

Ирония может служить средством психологической защиты от нападения, неудобного вопроса или обвинения, может сама быть инструментом встречного нападения: – *Вы ударили нашего сотрудника утюгом, какая же это самооборона? – Не случилось, знаете ли, веера под рукой (т/с «Ликвидация»); – Автор канала – графоманка с комплексом неполноценности и эгоцентризмом. – А где почитать ваши гениальные мемуары? (dzen.ru); – Платье откровенно колхозное. Вам бы к стилисту обратиться! – А вы эксперт? Вас в «Модном приговоре» заждались? (dzen.ru); – Ерунда какая-то. Скажите, когда смеяться. – Вы просто не догоняете. – А вы, наверное, самая умная, поэтому всех давно обогнали? (РР).*

Интересно, что ирония широко используется не только в спорной коммуникации. Часто к ней обращаются с целью оптимизации отношений: демонстрации дружелюбия, сокращения дистанции между говорящим и адресатом, создания непринужденной, доверительной атмосферы. Мягкая ирония, апеллируя к чувству юмора аудитории, располагает к себе, устраняет напряженность, расслабляет, способствует раскованности и откровенности общения. Ср. диалоги преподавателей и студентов: П.: *Кто готов героически броситься на амбразуру? С.: Я не героически, я так... П. (смеется): Ну, давайте так (vk.com); С.: Я ненавижу букву «й». П.: Ну что*

ж поделаться, она, наверное, тоже не питает к вам тёплых чувств (vk.com); С.: Я не заметил себя в списке докладчиков... П.: Вы не заметили себя... Никогда больше так не делайте (vk.com).

Нередко ирония используется для присоединения к собеседнику путем мнимого избличения собственного невежества либо, напротив, нарочитого самовосхваления: С.: Мне ничего непонятно. П.: Мне тоже не всегда всё понятно, что я говорю (vk.com); – То, что вы ничего не знаете, – это хорошо на самом деле. Я тоже ничего не знаю (vk.com); – Это японский сад. Вблизи без листвы он, конечно, проигрывает. Поэтому фото с вертолета. – Я вблизи тоже сильно проигрываю, а с вертолета – ничего! (dzen.ru); Мной любоваться лучше без очков! (Н. Хозяинова); – Кто же это сказал?.. Кто-то из великих, не могу вспомнить. А, это я себя процитировал! (vk.com); – Спасибо, теперь все понятно стало. – Так конечно, я же гениально объясняю! (vk.com); Бывает, говорю сама с собой, а эхо мне отвечает: «Да, да, правильно говоришь» (vk.com).

В сетевой коммуникации пользователи нередко демонстрируют поразительное единодушие в оценке сомнительных идей. Так, великолепный развернутый иронический полилог можно наблюдать в комментариях к нетривиальному рецепту приготовления мяса на камне:

Рецепт для Робинзона Крузо?

Ты только что изобрел сковороду.

Уличный камень пропитывает еду своим изысканным ароматом и силой земли.

А потом ещё неделю пропитывает воздух вокруг себя ароматом еды.

Зря смеетесь. Автор пишет, что у камня вкус интересный.

Особенно у мела в детстве.

Можно еще гудроновой крошкой посыпать...

Камень уместен, если только вопрос выживания стоит.

Надо бы предупредить читателей, что не все камни одинаково полезны.

А автор согласен?

На какие ухищрения не пойдет человек, лишь бы не мыть сковородку.

Нет дома камней, что если взять кирпич?

Аромат силикатов ещё долго будет преследовать твой организм (rikabu.ru).

Последовательное совместное выстраивание комментаторами иронического дискурса отражает стихию свободной языковой игры, стремление уйти от серьезности и официальности общения.

Единодушие аудитории формирует общность фоновых знаний коммуникантов (как прецедентных универсалий, так и накопленного опыта личных переживаний, обнаруживающих не меньшую универсальность), их готовность к динамичному, открытому полилогу, добродушный либо язвительный смех в адрес оппонента или даже общего врага, который тем самым из серьезного политического противника превращается в нелепый шарж, карикатуру. Ср. комментарии к посту о Джо Байдене:

Джо, попей валерьянки!

Валерьянка уже не поможет, тут нужно радикальное средство! Топор, например!

Хорошее средство, отлично помогает при головной боли.

От нервов и амнезии тоже.

Обух топора лечит от множества болезней!

От деменции точно (Царьград).

Очевидно, что ирония демонстрирует высокий уровень коммуникативной компетентности языковой личности, ее красноречие, остроумие, чувство юмора, способность с той или иной степенью имплицитности обозначить свою позицию без рисков ее уязвимости и возможности оспорить. По меткому утверждению В. Е. Хализева, «иронический взгляд на мир способен освободить человека от догматической узости мышления, от односторонности, нетерпимости, фанатизма», вместе с тем чрезмерная, тотальная ирония опасна, ведет к нигилизму и бесчеловечности [Хализев, 1999, с. 78].

Заключение

Таким образом, ирония – одна из форм эмоционально-экспрессивного отрицания: характеризующий объект намеренно наделяется свойствами, которыми он не обладает. Как и любое косвенное высказывание, ирония прячет истину за языковой игрой, но вместе с тем она высвечивает систему ценностных смыслов субъекта речи.

Инструментами создания иронии на лингвистическом уровне выступают употребление слова в противоположном значении, нарушение лексической сочетаемости, оксюмороны, стилистический контраст, гиперболизация, квазицитация. Однако определяющими в опознавании иронии являются контекст, особое интонирование как репрезентация авторской интенции, фоновые знания коммуникантов и их полное погружение в ситуацию – как и любой скрытый смысл, иронический подтекст не всегда очевиден, в ряде случаев однозначно идентифициро-

вать иронию затруднительно. Ср. в речи преподавателей: Вот вышли бы вы в эфир! А то я сижу тут, как диктор центрального телевидения, и читаю сообщения, которые наши корреспонденты нам присылают (vk.com) – во время онлайн-занятий преподаватель призывает студентов высказываться, а не писать в чате; Как хорошо, что я поставила много автоматов – я бы не выдержала вас слушать (vk.com); Вы все еще меня боитесь что ли? Ну я же вас перестала бояться! (vk.com); в обыденной речи: Какой насыщенный день был у ребят; У нее утром выступление, вечером награждение, на следующий день встречи. Очень востребованная женщина, ну просто очень; А как платье сидит на фигуре! Загляденьте! – в подобных случаях распознать иронию может только погруженный в ситуацию собеседник, осведомленный о характере отношений между ее участниками и улавливающий саркастическую интонацию говорящего.

Ирония, как и другие приемы репрезентации скрытого смысла, является более действенным инструментом воздействия на адресата, нежели навязываемая ему прямая оценка, поскольку предполагает его активную интерпретативную деятельность – обнаружение и расшифровку двусмысленности и, как следствие, восприятие передаваемой информации как самостоятельно приобретенного, независимого знания. Соответственно, иронию можно рассматривать как разновидность суггестивного воздействия, позволяющего скорректировать модели поведения и систему установок адресата.

Библиографический список

1. Абросимова Л. С., Баскакова Н. В. Развитие понятия «ирония»: от древности до современности // Актуальные проблемы филологии и лингводидактики : сборник материалов Второй всероссийской конференции с международным участием, Нижний Новгород, 21–22 мая 2021 года. Нижний Новгород : Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 2021. С. 8–13.
2. Бинштейн М. М. Функции иронии в политическом дискурсе (на материале ток-шоу «60 минут») // Устойчивое развитие науки и образования. 2020. № 11(50). С. 188–95.
3. Венгранович М. А. «Такая разная ирония»: от стилистического приема – к диффамации // Современный медиатекст и судебная экспертиза: междисциплинарные связи и экспертная оценка : сборник научных работ по итогам Международной научно-практической конференции, Москва, 12–13 октября 2023 года. Москва : ООО «СОЮЗКНИГ», 2023. С. 62–69.
4. Горностаева А. А. Иронический смысл и модальность : новый взгляд на определение дискурсивной иронии // Казанская наука. 2024. № 4. С. 352–354.
5. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. Москва : Знак, 2010. 600 с.
6. Дудникова Л. В., Шевченко М. С. О некоторых особенностях реализации иронии в художественном тексте // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2020. № 3. С. 38–45.
7. Ермакова О. П. Ирония и ее роль в жизни языка. Калуга : КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. 204 с.
8. Ермакова О. П. Является ли ирония речевым жанром? (Еще раз о некоторых особенностях иронии) // Жанры речи. 2014. № 1-2 (9-10). С. 75–80.
9. Кудрявцев А. А. Ирония и ее роль в политической коммуникации (на материале британского телевизионного сериала «Yes, Minister!») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 5. С. 1604–1610.
10. Кузнецова Е. В. Репрезентации иронии в художественном тексте // Гуманитарные исследования. 2021. № 4(80). С. 148–152.
11. Печенихина Е. А. Лексические средства выражения иронии у Эсы де Кейроша // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2008. № 4. С. 140–147.
12. Рябко О. П. Когнитивный статус иронии в художественном тексте // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования. 2023. № 4-1. С. 67–72.
13. Фирсова М. А. Инвективный потенциал иронии в медиадискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 65–71.
14. Фомичева Ж. Е. От модернизма к постмодернизму: некоторые аспекты смены литературно-художественной парадигмы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. 2011. № 12(107). С. 160–169.
15. Хализев В. Е. Теория литературы. Москва : Высшая школа, 1999. 397 с.
16. Чумак В. В. Систематизация определений иронии // Филологические науки в XXI веке : актуальность, многополярность, перспективы развития. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2021. С. 203–207.
17. Шилихина К. М. Семантика и прагматика вербальной иронии. Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. 304 с.
18. Шкицкая И. Ю. Феномен иронии и ее функции в манипулятивном дискурсе // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 440. С. 45–52.
19. Юськаева Э. И., Дубровская Т. В. Прагматика иронии в коммуникации сетевых сообществ // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. 2022. № 7. С. 495–499.
20. Яковенко Т. И. Ирония как имплицитное содержание онимических единиц // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2011. № 3. С. 85–91.

Reference list

1. Abrosimova L. S., Baskakova N. V. Razvitie ponjatija «ironija»: ot drevnosti do sovremennosti = The evolution of the concept «irony»: from ancient to modern times // Aktual'nye problemy filologii i lingvodidaktiki: sbornik materialov Vtoroj vserossijskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, Nizhnij Novgorod, 21–22 maja 2021 goda. Nizhnij Novgorod: Nizhegorodskij gosudarstvennyj lingvisticheskiy universitet im. N. A. Dobroljubova, 2021. S. 8–13.
2. Binshtejn M. M. Funkcii ironii v politicheskom diskurse (na materiale tok-shou «60 minut») = Functions of irony in political discourse (the case of the talk show «60 Minutes») // Ustojchivoe razvitie nauki i obrazovanija. 2020. № 11(50). S. 188–95.
3. Vengranovich M. A. «Takaja raznaja ironija»: ot stilisticheskogo priema – k diffamacii = «Such different irony»: from stylistic device to defamation // Sovremennij mediatekst i sudebnaja jekspertiza: mezhdisciplinarnye svjazi i jekspertnaja ocenka: sbornik nauchnyh rabot po itogam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii, Moskva, 12–13 oktjabrja 2023 goda. Moskva: OOO «SOJuZKNIG», 2023. S. 62–69.
4. Gornostaeva A. A. Ironicheskiy smysl i modal'nost': novyj vzgljad na opredelenie diskursivnoj ironii = Ironic sense and modality: a new look at the definition of discursive irony // Kazanskaja nauka. 2024. № 4. S. 352–354.
5. Dement'ev V. V. Teorija rechevyh zhanrov = Theory of speech genreS. Moskva: Znak, 2010. 600 s.
6. Dudnikova L. V., Shevchenko M. S. O nekotoryh osobennostjah realizacii ironii v hudozhestvennom tekste = On certain features of irony realization in the literary text // Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2020. № 3. S. 38–45.
7. Ermakova O. P. Ironija i ee rol' v zhizni jazyka = Irony and its role in the life of language. Kaluga: KGPU im. K. Je. Ciolkovskogo, 2005. 204 S.
8. Ermakova O. P. Javljaetsja li ironija rechevym zhanrom? (Eshhe raz o nekotoryh osobennostjah ironii) = Is irony a speech genre? (Once again about some features of irony) // Zhanry rechi. 2014. № 1-2 (9-10). S. 75–80.
9. Kudrjavcev A. A. Ironija i ee rol' v politicheskoi kommunikacii (na materiale britanskogo televizionnogo seriala «Yes, Minister!») = Irony and its role in political communication (based on the British television series «Yes, Minister!») // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2024. T. 17. № 5. S. 1604–1610.
10. Kuznecova E. V. Rerezentacii ironii v hudozhestvennom tekste = Representations of irony in fiction text // Gumanitarnye issledovanija. 2021. № 4(80). S. 148–152.
11. Pechenihina E. A. Leksicheskie sredstva vyrazhenija ironii u Jesy de Kejrosha = Lexical means of expressing irony in Esa de Queiroz's work // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologija. 2008. № 4. S. 140–147.
12. Rjabko O. P. Kognitivnyj status ironii v hudozhestvennom tekste = The cognitive status of irony in fiction // Jazyk i kul'tura v jepohu integracii nauchnogo znanija i professionalizacii obrazovanija. 2023. № 4-1. S. 67–72.
13. Firsova M. A. Invektivnyj potencial ironii v mediadiskurse = Invective potential of irony in media discourse // Verhnevzhskij filologicheskij vestnik. 2023. № 2 (33). S. 65–71.
14. Fomicheva Zh. E. Ot modernizma k postmodernizmu: nekotorye aspekty smeny literaturno-hudozhestvennoj paradigmy = From modernism to postmodernism: some aspects of the literary and artistic paradigm shift // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. 2011. № 12(107). S. 160–169.
15. Halizev V. E. Teorija literatury. = Theory of literature. Moskva: Vysshaja shkola, 1999. 397 S.
16. Chumak V. V. Sistematizacija opredelenij ironii = Systematizing definitions of irony // Filologicheskie nauki v XXI veke: aktual'nost', mnogopoljarnost', perspektivy razvitija. Krasnodar: Kubanskij gos. un-t, 2021. S. 203–207.
17. Shilihina K. M. Semantika i pragmatika verbal'noj ironii = Semantics and pragmatics of verbal irony. Voronezh: NAUKA-JuNIPRESS, 2014. 304 S.
18. Shkickaja I. Ju. Fenomen ironii i ee funkcii v manipuljativnom diskurse = The phenomenon of irony and its functions in manipulative discourse // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 440. S. 45–52.
19. Jus'kaeva Je. I., Dubrovskaja T. V. Pragmatika ironii v kommunikacii setevyh soobshhestv = The pragmatics of irony in online community communication // Dinamika jazykovykh i kul'turnykh processov v sovremennoj Rossii. 2022. № 7. S. 495–499.
20. Jakovenko T. I. Ironija kak implicitnoe sodержanie onimicheskikh edinic = Irony as implicit content of onymic units // Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2011. № 3. S. 85–91.

Статья поступила в редакцию 20.03.2025; одобрена после рецензирования 16.04.2025; принята к публикации 16.05.2025.

The article was submitted on 20.03.2025; approved after reviewing 16.04.2025; accepted for publication on 16.05.2025